

Рецензия

на выпускную квалификационную работу Мирьяны Корач
«Стратегии выражения согласия и отказа в современном русском языке (на фоне сербского языка)»

Выпускная квалификационная работа Мирьяны Корач посвящена актуальной и недостаточно изученной теме – исследованию в рамках контрастивно лингвокультурологического анализа единиц речевого этикета категорий Согласие и Отказ в близкородственных славянских языках – русском и сербском. Актуальность и новизна настоящего исследования определяются еще и тем, что в сербской лингвистике данные формы речевого этикета до сих пор не исследовались.

Магистерская диссертация М. Корач имеет четкую и логичную структуру и соответствует заявленной теме. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии (83 наименования) и двух приложений. В введении (с. 5-9) сформулированы задачи, цель и гипотеза исследования, положения, выносимые на защиту. Во введении указаны объект, предмет, материал исследования и методы, используемые в работе, а также обоснованы новизна, теоретическая и практическая значимость исследования.

В первой главе (с. 9-41), состоящей из пяти основных разделов, представлена основательная теоретическая база исследования. В первом разделе проанализированы вопросы, посвященные речевому этикету, который понимается как «система речевых действий в диалогах общающихся (с.19). Здесь с опорой на труды Н.И. Формановской, В.Е. Гольдина, А.А. Акишиной, И.А. Стернина и др. разграничиваются понятия «этикет» и «речевой этикет», выделяются ситуативность, регулятивность, согласованность и наличие коммуникативной рамки как основные признаки речевого этикета (с. 14). Диссертантка исходит из определения Н.И. Формановской, которая под речевым этикетом понимает «социально

заданные и национально специфичные регулирующие правила речевого поведения в ситуациях установления, поддержания и размыкания контакта коммуникантов в соответствии с их статусно-ролевыми и личностными отношениями в официальной и неофициальной обстановке общения» (с. 15). Далее, вслед за И.А. Стерниным, выделяются 5 основных функций речевого этикета – установление контакта, поддержание контакта, уважение к собеседнику, регуляция поведения людей в обществе, профилактика конфликтов (с.15-16). Внимание также уделяется речевому поведению и речевой ситуации, которые неразрывно связаны с речевым этикетом.

Во втором разделе (с.19-20) рассматриваются невербальные средства речевого общения, вслед за Е.М. Верещагиным и ЕВ.Г. Костомаровым, подчеркивается разница между невербальным и соматическим языком, выделяется пять явлений соматического языка – жест, поза, выражение лица, мимика, интонация и положение собеседников относительно друг друга (с. 21). Диссертантка придерживается мнения, что невербальные средства имеют ярко выраженную национальную окраску и с помощью хорошо подобранных иллюстраций справедливо подчеркивает, что при обучении иностранному языку «особое внимание, помимо словесного, должно уделяться жестовому языку во избежание недопонимания и неловких ситуаций» (с.19).

В третьем разделе с опорой на труды Л.П. Крысына, В.И. Карасика, Н.И. Формановской и др., рассмотрена социолингвистика как наука и социолингвистический аспект изучения речевого этикета, проанализированы понятия «социальной роли» и «социального статуса», наглядно схематично представлены соотношения социальных ролей в конкретной ситуации общения (Схема 2, с. 23) и симметричные и асимметричные отношения коммуникантов в зависимости от их социального статуса (Схема 3, с. 24).

Лингвокультурологическому аспекту изучения речевого этикета посвящен четвертый раздел первой главы (с. 24-34), где сквозь призму работ

В.ф. Гумбольдта, Б.Л. Уорфа, Э.Сепира, В.А. Масловой, В.Н. Телии, В.В. Воробьева, и др. сжато проанализированы следующие такие важные вопросы, как связь языка и культуры и понятие лингвокультурологии как науки, которая вслед за Е.И. Зиновьевой понимается как «теоритическая филологическая наука, которая исследует различные способы представления знаний о мире, носители того или иного языка через изучение языковых единиц разных уровней, речевой деятельности, речевого поведения, дискурса, что должно позволить дать такое описание этих объектов, которое во всей полноте раскрывало бы значение анализируемых единиц, его оттенки, коннотации и ассоциации, отражающие сознание носителей языка. При этом важно учитывать информацию энциклопедического характера, разработка принципов отбора которой является одной из проблем лингвокультурологии» (с. 28-29). Далее, с опорой на труды Н.М. Стрелковой, С.Г. Тер-Минасовой, В.А. Масловой и др. определяется место речевого этикета в лингвокультурологии. Внимание уделяется понятиям «картина мира», «концептуальная картина мира», «языковая картина мира», которая, вслед за Е.С. Яковлевой понимается как «зафиксированная в языке и специфическая для данного языкового коллектива схема восприятия действительности. Таким образом, языковая картина мира – это своего рода мировидение через призму языка» (с. 32). Диссертантка затрагивает проблему менталитета, особенности которого отражаются в речевом этикете.

В заключительном параграфе первой главы вслед за Н.И. Формановской Мирьяна Корач выделяет 16 наиболее типичных форм речевого этикета – 1) Обращение, привлечение внимания, 2) Знакомство, 3) Приветствие, 4) Прощание, 5) Поздравление, 6) Пожелание, 7) Благодарность, 8) Извинение, 9) Просьба, 10) Согласие, разрешение, 11) Отказ, запрещение, 12) Приглашение, 13) Предложение, 14) Совет, 15) Утешение, сочувствие, соболезнование, 16) Compliment, одобрение, похвала) (с. 34) и более подробно анализирует две из них – Согласие и Отказ.

Диссертантка приводит словарные дефиниции этих понятий и различные способы речевой реализации согласия и отказа в русском языке. Под категорией согласия в работе понимается «совокупность утвердительных ответов на просьбу, мольбу, приглашение, предложение, а также единомыслие с собеседником» (с. 43), под категорией отказа – «действие, когда необходимо отвечать отрицательно на просьбу, требование или какое-либо предложение» (с. 43). В конце первой главы логично и последовательно выстроены выводы.

Как можно заключить из всего вышесказанного, первая глава диссертации Мирьяны Корач представляет собой серьезную теоретическую базу, на которой весьма успешно проводится дальнейшее исследование. Особенно хотелось бы отметить, что уже на этом этапе своей работы Мирьяна Корач блестяще проявила свои исследовательские навыки, способность к аналитическому и критическому мышлению. В ходе анализа научной литературы по теме, диссертантка ссылается на суждения ведущих специалистов в данной области, соглашается с авторитетным мнением или аргументировано с ним спорит, обосновывая свою точку зрения.

Во второй главе диссертации (с. 44-134) предложена классификация форм речевого этикета для выражения согласия и отказа с учетом «реализации этого материала при изучении русского языка в сербской аудитории» (с. 44). Исследование ведется на большом материале. Диссертантка отобрала в общей сложности 440 ситуаций речевого общения, из которых 330 выражают согласие и 110 – отказ. В работе подробно проанализированы 82 ситуации, в которых употребляются формы согласия и 43 в которых употребляются формы отказа. Остальные контексты проанализированы в приложении. Материалом послужили пьесы современных русских драматургов второй половины XX – начала XXI веков (А.В. Вампилова, В.С. Розов «В добрый час», А.М. Володин «Осенний марафон», Л.С. Петрушевская «Уроки музыки», И.А. Вырыпаев «Танец

Дели») и их переводы на сербский язык, которые, что особенно ценно, выполнены Мирьяной Корач.

Классификация состоит из двух частей – II.1. Классификация форм речевого этикета для выражения стратегии согласия (с. 44-92) и II.2. Классификация форм речевого этикета для выражения стратегии отказа (с. 92-182). Проведенный анализ языковых средств позволил диссертантке прийти к выводу, что «формы выражения категории Согласия имеют как эксплицитные, так и имплицитные способы выражения, и проявляются по-разному в зависимости от ситуации общения» (с. 86).

В первой части классификации II.1. отобранные формы эксплицитного согласия разделены на три основные группы: 1) согласие как реакция на информацию, 2) согласие как реакция на призыв к действию, 3) согласие как реакция на предполагаемое событие или действие в реализации которого говорящий может быть уверен или неуверен. Первая, самая многочисленная группа, подразделяются на две подгруппы – абсолютное согласие и согласие с элементами сомнения, вторая на – согласие как ответ на просьбу и согласие как ответ на приглашение. Наглядно такое подразделение представлено в виде цветной схемы (Схема 4, с. 45). Далее диссертантка анализирует каждую из предложенных групп, подкрепляет доводы иллюстрациями из своего материала.

Так, самая обширная группа абсолютное согласие содержит следующие маркеры согласия: частицы (*да, ну да, конечно, разумеется, еще бы, еще как, совершенно правильно, действительно, вот именно, правда, хорошо, пусть, так + глагол думать в настоящем времени*), наречия (*безусловно, точно, верно, совершенно верно, вполне логично, все ясно, понятно*), глагол (*разговорная форма идет, глагольные формы – повторы предыдущего высказывания*), устойчивые сочетания (*в самом деле, в том-то и дело*), предложения (*все так, как и тогда и др.*). 2) Согласие с элементами сомнения выражается с помощью: частиц (*ну, ну вроде бы все так, н-да,*

вроде, пожалуй, кажется), наречий (*наверно(е), похоже, по-моему + глагол, вряд ли, может быть*).

Группу II.1.1.2 «Согласие как реакция на призыв к действию» диссертантка подразделяет на подгруппу «Согласие как ответ на просьбу выполнить действие», где согласие выражается с помощью частиц (*да, конечно, пожалуйста, хорошо, ладно*), наречий – (*сопровождение согласия действием и несопровождение согласия действием*), глагольных форм (*утвердительный ответ на просьбу, выраженный формой первого лица глагола в настоящем или будущем времени*), устойчивых сочетаний (*с удовольствием*). Остальные группы и подгруппы проанализированы и проиллюстрированы аналогичным способом.

Формы выражения имплицитного согласия (II.1.2), согласно отобранному материалу, диссертантка подразделяет на несколько подгрупп: 1) уклонение от прямого ответа, 2) встречный вопрос вместо согласия, согласие, 3) выраженное невербально, молчание как знак согласия и проводит анализ отобранных примеров внутри каждой из них. Для убедительности своих выводов диссертантка примеры сопровождает контекстуальным комментарием или приводит более развернутый контекст. Здесь справедливо подчеркивается и важная роль невербального поведения при выражении согласия. Также отмечается, что по сравнению с эксплицитными формами имплицитные встречаются гораздо реже.

Особую практическую значимость, на наш взгляд, имеет раздел II.1.3. (с. 81-86) в котором в сопоставительном плане проанализированы русско-сербские параллели форм выражения согласия. Здесь Мирьяна Корач проявила свой переводческий талант, предложив ко всем анализируемым контекстам удачные, с нашей точки зрения, собственные варианты перевода. Отметим, что из всех произведений художественной литературы, привлекаемых диссертанткой к работе, на русский язык переведена лишь «Утиная охота» А. Вампилова (существующий перевод к анализу не

привлекался). В этом разделе в виде таблицы с примерами диссертантка сравнивает формы выражения согласия в русском и сербском языках и приходит к справедливому выводу, что такие формы в большинстве случаев совпадают. В ходе анализа отмечается, что в «речевом этикете русского языка для выражения согласия имеется большое количество разных форм» (с. 85), которые не всегда могут быть переданы на сербский язык формами, содержащимися в словарях. Предлагая возможные решения трудных случаев, М. Корач справедливо подчеркивает, что универсальных переводческих решений не существует, что использование тех или иных форм зависит от каждого конкретного случая. Русско-сербские параллели форм выражения эксплицитного согласия наглядно представлены в Таблице № 1 (с. 88-92), выводы хорошо обоснованы и для наглядности сопровождаются цветной схемой (с. 86).

В разделе II.2. (с. 92-134) рассмотрены формы речевого этикета для выражения стратегии отказа, которые также подразделяются на эксплицитные (четко обозначающие отказ) и имплицитные (обозначающие отказ завуалировано) способы выражения. Среди эксплицитно выраженных форм отказа выделены три группы: 1) отказ между близкими людьми, 2) отказ между знакомыми людьми и 3) отказ в официальных ситуациях (См. Схему № 5, с. 93).

Первая группа подразделяется на две подгруппы: 1) отказ от просьбы или требования выполнить действие, где отказ выражается с помощью: лексических единиц *нет; нет, нет; нет и нет*; отрицательной частицы *не* с модальными глаголами *хотеть* и *мочь*; отрицательной частицы *не* с другими глаголами; *нет* + отрицательная частица *не* с глаголом *быть* в будущем времени; *нет* + отрицательная частица *не* с предикативом *надо*; *не* с модальным глаголом *желать*; 2) Внутри группы «отказ как реакция на предложение, приглашение» на основе проанализированных примеров делается вывод о том, что «отказ на просьбу, требование, приглашение,

предложение между близкими людьми может быть выражен одним маркером отказа – частицей *нет*. Такой отказ считается довольно решительным, категоричным. Кроме этого, отказ выражается отрицанием глаголов с помощью частицы *не*, а часто и сочетанием двух маркеров отказа: *нет + не*» (с. 103).

Вторая группа, в свою очередь, подразделяется на следующие две подгруппы, где ситуации выражения отказа связаны с конкретными предложениями: 1) выпить и поест и 2) прогуляться.

Третья группа – «отказ в официальных ситуациях» – является самой малочисленной и иллюстрируется двумя примерами, которые показывают, что в официальных ситуациях общения незнакомых людей «отказ можно выразить нейтрально, с помощью одного или двух маркеров отказа, таких как *нет* и *ничего не нужно*. Для более вежливого выражения отказа, категоричность формы *нет* можно смягчить словами благодарности и объяснением причины отказа» (с. 109).

По справедливому мнению диссертантки, в отличие от эксплицитных форм выражения отказа, имплицитные формы сложнее идентифицировать. Их М. Корач подразделила на четыре группы: 1) объяснение причины отказа, 2) эмоциональный отказ (*возмущение, возражение, раздражение*), 3) ироничный отказ, 4) отказ, выраженный невербально. Также в работе хорошо подобраны примеры, в которых соединились стратегии завуалированного отказа и отказа, за которым следует согласие (с. 120-124).

В разделе II.2.4. «Русско-сербские параллели форм выражения отказа» (с. 124-128) на основе своего материала диссертантка приходит к выводу, что большинство стратегий выражения отказа в русском и сербском языках совпадают. Это утверждение подтверждается примерами из пьесы А. Володина «Осенний марафон» на русском и сербском языках. Далее проанализированы случаи несовпадения русских и сербских языковых средств, выражающих исследуемые формы согласия и отказа. Ср. русск. *не*

хочу и не буду – серб. *нећу*; не надо – не треба; не хочется – не спава ми се и т.п. Выводы ко второй главе диссертации и ко всему исследованию хорошо сформулированы и обоснованы, сопровождаются цветной схемой (с. 128). Хотелось бы отметить, что несомненным украшением диссертации является её наглядное графическое оформление в виде таблиц, схем и цветных диаграмм (Диаграммы № 1 и 2, с. 132-133).

В двух приложениях к работе в виде классификаций представлены эксплицитные и имплицитные формы выражения согласия (Приложение 1, с. 143-172) и эксплицитные и имплицитные формы выражения отказа (Приложение 2, с. 172-182) по отобранному представительному материалу, не включенному в исследовательскую часть работы.

Высоко оценивая практическую значимость диссертации Мирьяны Корач и возможность применения полученных результатов в процессе обучения русских студентов сербскому языку, хотелось бы задать вопрос: почему диссертантка обходит вниманием такие речевые формы выражения согласия и отказа в сербском языке как полные личные формы глагола *бити* в настоящем времени утвердительные (*јесам, јеси, јесте ...*) и отрицательные (*нисам, ниси, није...*)? Преподавательский и переводческий опыт показывает, что как раз эти формы, свойственные сербскому языку, вызывают затруднения у носителей русского языка. Некоторые отобранные диссертанткой контексты могли бы, по нашему мнению, успешно быть переведены с помощью таких форм. Например:

1. *Зилов* . Ну и что? (Наливает.) Укусила ты его? *Галина* . Да. За палец.

Зилов . Па? (Сипа) Ујела си га? *Галина* . **Јесам**. За прст.

2. *Кузаков* . Слушай, Вера — кто она такая и откуда? *Зилов* . Что, понравилась? *Кузаков* . Откровенно говоря, да.

Кузаков . Слушај, ко је та Вера, одакле је? *Зилов* . Шта, допала ти се? *Кузаков* . Искрено говорећи, **јесте**.

Жаль, что без внимания остались и сербские частицы *де, дедер*,

употребляющиеся с формами повелительного наклонения с целью побуждения к какому-либо действию. В определенных контекстах эти формы могли бы удачно выполнять функцию согласия.

Список использованной литературы мог бы быть дополнен работами Милана Шипки и Марины Николич. См.: Шипка М. *Култура говора*. Нови Сад: Прометеј, 2008; Николић М. *Теорија језичке културе*. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2010.

Высказанные вопросы и замечания имеют рекомендательный характер и никак не умаляют достоинств данной работы, которая во многом превосходит уровень магистерской диссертации.

Проверка на плагиат в системе «Blackboard» выявила 14% текстовых совпадений, представляющих собой:

- 1) корректное цитирование с указанием источника с заключением в кавычки, пересказ содержания цитаты без заключения в кавычки;
- 2) клише научной речи и терминология;
- 3) цифровые знаки композиционной структуры работы (1.3.2), указания на выходные данные (названия городов, указания страниц);
- 4) имена учёных, названия публикаций (большой частью в Списке использованной литературы);
- 5) ссылки на использованный в работе материал, размещённый на сайтах Интернета.

Как видим, в исследовании Мирьяны Корач поставленные задачи решены, цель достигнута, положения защищены, гипотеза подтверждена. Выводы в работе обоснованы и четко сформулированы. Особенно хотелось бы отметить прекрасный уровень владения русским языком и научным стилем изложения.

Учитывая все вышеизложенное с уверенностью можно сказать, что выпускная квалификационная работа Мирьяны Корач соответствует всем предъявляемым требованиям и заслуживает оценку «отлично», а ее автор –

искомую степень магистра лингвистики и рекомендацию о поступлении в аспирантуру.

Драгана Драулич-Прийма
Кандидат филологических наук, научный сотрудник
Библиотеки Российской академии наук

Санкт-Петербург, 29.5.2018.

